

Адаптация методики Identity Stage Resolution Index (ISRI) на русский язык

Юлия В. Борисенко^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ evseenkova@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>

Поступила в редакцию 30.07.2020. Принята к печати 29.09.2020.

Аннотация: *Проблема.* В данной статье изложены результаты исследования, целью которого была апробация и адаптация англоязычной методики исследования стадии идентичности личности Identity Stage Resolution Index (ISRI), созданной в 1997 г. J. E. Cote. Описаны особенности перевода, адаптации и апробации методики, даны рекомендации по использованию опросника в практике. *Метод.* В нашем исследовании приняли участие 245 испытуемых: 145 женщин и 100 мужчин в возрасте от 17 до 70 лет ($M=28,33$; $SD=14,37$). Результаты методики сравнивались с результатами методики «Тест статусов и структуры эго-идентичности» Е. Л. Солдатовой (СЭИ-тест). *Результаты.* Статистический анализ полученных данных, включавший факторный, дисперсионный, корреляционный анализ и вычисление α -Кронбаха, позволяет сделать вывод о достаточной достоверности методики, а также достаточной конструкторной и операциональной валидности методики. *Выводы.* Методика исследования стадии идентичности личности Identity Stage Resolution Index (ISRI) (в русскоязычном варианте «Шкала определения стадии идентичности Дж. Котэ») успешно апробирована на российской выборке и может быть применена в практике психологического консультирования и для дальнейших исследований в области идентичности.

Ключевые слова: идентичность, стадии, диагностика, родительская идентичность, ранняя взрослость, средняя взрослость

Для цитирования: Борисенко Ю. В. Адаптация методики Identity Stage Resolution Index (ISRI) на русский язык // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 735–743. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743>

Введение

Современный мир не дает человеку готовых решений, позиций в жизни и социуме, предоставляя свободу выбора своего пути, предъявляет значительные требования к самоопределению человека в жизни. Постиндустриальная эпоха с ее меняющимися ориентирами, поликультурностью, полимодальностью векторов развития определяет возможности поливариативности траекторий развития человека, при этом создавая определенную нагрузку на внутренние условия самоопределения личности. Это определяет исследовательский интерес к проблематике идентичности. Современные исследователи процессуальных характеристик идентичности раскрывают процессы поиска и принятия обязательств на два отдельных, но взаимосвязанных процесса, отражая вариативность выбора одной из многих возможных альтернатив идентичности.

Первоначально психологическое осмысление феномена идентичности получило развитие в работах Э. Эриксона [1] и Дж. Марсии [2]. Для Э. Эриксона идентичность в основном представляет собой субъективное ощущение тождественности и непрерывности во времени и в разных социальных ситуациях и пространственных контекстах, и она лучше всего представлена одним биполярным измерением (сформированная идентичность – диффузная идентичность). Далее была разработана парадигма статуса идентичности [2; 3] – нео-эриксонская модель

идентичности, определившая на долгие годы направления исследования идентичности [4]. Для Дж. Марсии каждый статус идентичности представляет собой комбинацию уровней (существующих или отсутствующих) поиска и принятия решения [2]. Достигнутая идентичность характеризуется обязательствами, принимаемыми человеком на себя в процессе поиска идентичности, в то время как предрешенная идентичность характеризуется обязательствами, принятыми без какого-либо предварительного поиска. Мораторий и диффузия, с другой стороны, характеризуются относительным отсутствием принятия обязательств, но различаются в том, участвует ли человек в систематическом поиске своей идентичности. Люди, находящиеся в статусе моратория, в настоящее время изучают потенциальный жизненный выбор, в то время как при диффузной идентичности индивиды практически не занимаются систематическим исследованием своей идентичности. Многочисленные исследования, в основном кросс-культурные, были сосредоточены на предполагаемых предшественниках, коррелятах и результатах этих статусов [2; 5]. Таким образом, выделяются четыре стадии процесса идентичности: достигнутая (проведенный поиск, принятие обязательств); мораторий (проведенный поиск, непринятие обязательств), предрешенная (не проведенный поиск, принятие обязательств), диффузная (не проведенный поиск, непринятие обязательств) [6].

В отечественных работах идентичность определяется через тождество самому себе, преемственность индивида и его самосознания во времени. Выделяют психофизиологическую идентичность (чаще всего в медицинских науках) – как единство физиологических и психических процессов и свойств организма. В психологии большое внимание получают исследования социальной идентичности, т. е. осознания человеком принадлежности к какой-либо социальной группе (или группам). Важно, что идентичность может не проявляться в обычных обстоятельствах во внешнем поведении человека, но определяет его самоощущенность и восприятие своей жизни и личности как некоего целого [6].

Кроме того, развивает свой подход Е. Л. Солдатова и И. А. Шляпникова, которые рассматривают идентичность через призму решения психологических задач возраста [7]. Согласно их идеям, процесс достижения личностной зрелости связан с формированием новых свойств личности, обуславливающих способность человека к решению новых возрастных задач. Данными авторами «эго-идентичность понимается как глубинная личностная структура, которая выполняет регулирующую, управляющую и оценивающую функции с целью сохранения самоощущенности, непрерывности и интегративности личности в условиях системных преобразований структуры личности и социальной ситуации развития в период нормативных кризисов» [7, с. 29]. Достижение личностной зрелости определяется формированием определенных свойств личности, соответствующих конкретному возрасту, равно как их интеграцией. Именно интеграция и является функцией идентичности личности [7].

В этом смысле интересны идеи J. Côté, который развил данные положения в своей модели капитала идентичности. Согласно его представлениям [8], для современного пост-модернистского общества западной культуры характерна ориентация на потребление, являющаяся не только основой функционирования экономических систем, но и способом создания собственной социальной идентичности. Неопределенность социальных ориентиров может вызывать чувство незащищенности, усиливающее у молодых людей ориентацию на мнения окружающих [9]. Следствием быстрой смены укладов жизни, когда взрослые не могут обеспечить своих детей моделями поведения, успешными в новых условиях [5], становится уменьшение влияния старшего поколения на становление идентичности молодежи [10]. При этом снижение значимости наследственных социальных позиций в постиндустриальных обществах приводит к тому, что молодому человеку приходится самому строить траекторию своей жизни [11], самостоятельно отвечая за собственное развитие, в том числе и за поиск своей идентичности [12].

Разрешение кризиса идентичности, по мнению J. Côté [8], предполагает интеграцию молодого человека в социум взрослых самодостаточных людей. Условиями этой интеграции являются, во-первых, развитие чувства

взрослости, определяемого внутренним переживанием, основанном на мнении окружающих, т. е. достижение взрослой идентичности, а во-вторых, развитое ощущение, что человек нашел свое собственное место в обществе и референтную группу людей, с которыми он готов разделить свою жизнь (социальная идентичность). Оба этих условия согласуются с позициями Э. Эриксона, где кризис идентичности, приходящийся на пограничную точку между подростковым возрастом и взрослостью (переход во взрослость), предполагает достижение ощущения того, что человек нашел свое место в мире взрослых [13].

Оба эти параметра: взрослая идентичность и социальная идентичность – рассматриваются J. Côté [8] как показатели разрешения кризиса идентичности. При этом легкость или затруднения на пути достижения взрослой и социальной идентичности определяются имеющимися у личности в период кризиса ресурсами (капиталом). J. Côté подробно останавливается на проблеме ресурсов личности, способствующих достижению идентичности. Ресурсы идентичности, по его мнению, можно разделить на две большие группы: социальные и психологические. Социальные ресурсы, такие как экономический статус родительской семьи, принадлежность к определенной этнической или социальной группе (например, к скаутам, к членам спортивной или иной команды или ассоциации, к сотрудникам компании), дают преимущественно обладающими ими индивиду в поиске своей идентичности, облегчают нахождение своего круга общения [8]. Психологические ресурсы – это характеристики личности (психическое здоровье, способности) и различные возрастные характеристики, которые могут быть ресурсом (гибкость, мобильность), особенности характера, внутренний локус контроля, самоуважение, умение выстроить целеполагание, видение социальных перспектив, способность к критическому мышлению и любые когнитивные способности, нравственные характеристики, самоуважение, самоэффективность, принятые в различных сферах обязательства личности, навыки самопрезентации [14]. Они помогают человеку разбираться и активно справляться с трудностями поиска идентичности, распознавать и использовать преимущества возможностей, возникающих на пути к зрелости.

Социальные ресурсы, позволяющие легче совершить поиск своей идентичности, включают в себя приписываемые или передаваемые коды идентичности, такие как родительский социальный класс, финансовое обеспечение, позволяющее получить лучшее образование, связи родителей, позволяющие получить лучшую работу, и этническая принадлежность человека, определяющие конкретные социальные контексты, облегчающие достижение идентичности. Сюда могут относиться также заработанные человеком профессиональная репутация и статус, равно как и его собственные профессиональные связи. J. Côté делает акцент на том, что не столько финансовая составляющая, сколько культурные коды социального статуса наряду с паттернами поведения человека, такими как навыки общения и другие социальные

навыки, определяют значение социальных ресурсов. В свою очередь, психологические ресурсы поддерживают социальные ресурсы, например навыки презентации, которые помогают человеку легче найти место в социуме.

Социальные и психологические ресурсы включаются в т. н. капитал идентичности (по J. Côté). Большой капитал идентичности способствует более легкой интеграции личности в сообщество взрослых людей. Чем больше ресурсов капитала идентичности накапливает индивид, тем ближе он к разрешению кризиса поиска идентичности (идентичностному переходу) в какой-либо области. При этом в контексте постмодернистского общества жизненно важны те ресурсы, которые помогут личности осуществить поиск и выбор пути в ситуациях отсутствия нормативных требований или в ситуациях остаточных нормативных требований, которые сохраняются в каких-то сферах жизни человека. J. Côté полагает, что наиболее важны психологические ресурсы, приобретенные в процессе развития, особенно навыки взаимодействия с различными социальными слоями и умения коммуницировать в различных социальных контекстах. Важно, что ресурсы, приобретенные на любом этапе развития, облегчают последующую траекторию развития личности и поиска ею идентичности в различных контекстах современного поливариативного мира.

В связи с тем, что в одних сферах жизни нормативные требования размываются, а в других сохраняются либо трансформируются (например, в сфере семьи и воспитания детей), поиск собственной идентичности может представлять достаточно сложный процесс. Соответственно, молодые люди как никогда нуждаются в широком репертуаре личностных и социальных ресурсов для вхождения во взрослое общество. Те молодые люди, кто не имеет либо имеет недостаточно этих ресурсов, сталкиваются с большими проблемами в социальной и / или экономической сферах жизни. J. Côté полагает, что именно поэтому широкий выбор вариантов поведения и траектории жизни в современном обществе приводит к увеличению периода перехода ко взрослости, т. е. удлинению периода моратория идентичности, что проявляется в неспособности сделать выбор, и избегания принятия обязательств в юности и ранней взрослости (например, выбор гражданского брака как вариант откладывания важного решения) [8].

Именно поэтому проблемы идентичности в ранней юности [15; 16] и ранней взрослости [17] привлекают значительное внимание исследователей [18–20]. И если проблемы выбора образовательной траектории, профессии и профессиональной идентичности привлекают внимание исследователей очень давно [21], то вопросы, связанные с личным счастьем человека, его супружеской и родительской идентичностью как ориентирами жизненного пути личности, остаются малоисследованными и ждут своей разработки [22].

На основе данных положений J. Côté в 1997 г. была создана методика исследования стадий идентичности Identity Stage Resolution Index (ISRI). Первоначально методика

была разработана с учетом результатов исследований [14] и включала семь вопросов, касавшихся двух конструктов идентичности: взрослой идентичности и социальной идентичности.

В последующих исследованиях количество вопросов сократилось до шести элементов, причем каждая подшкала включала по три утверждения. Методика была переведена и адаптирована нами в 2020 г. В переводе методика получила название «Шкала определения стадии идентичности Дж. Коте» (ISRI). В русском варианте методика включает 6 утверждений – по три утверждения для каждого параметра: идентичность взрослого и социальная идентичность. Для оценки идентичности взрослого используются следующие утверждения: Вы считаете себя состоявшимся взрослым человеком (ИБ1), Вас уважают как состоявшегося взрослого человека (ИБ2), Вы чувствуете, что Вы достигли зрелости (ИБ3). Для оценки социальной идентичности: Вы нашли свое место в жизни (СИ1), Вы выстроили свой стиль жизни, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем (СИ2), Вы нашли свой круг общения, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем (СИ3). Испытуемому необходимо выбрать один из предложенных вариантов ответа: совершенно верно (оценивается в 4 балла); большей частью верно (3 балла); скорее верно, чем неверно (2 балла); скорее неверно, чем верно (1 балл); неверно (0 баллов). Результаты методики оцениваются по суммарному баллу всех ответов. При этом, согласно J. Côté, при 18–24 баллах для испытуемого характерна достигнутая идентичность, при 13–17 баллах – предрешенная идентичность, при 7–12 баллах наблюдается мораторий идентичности и при 0–6 присутствует диффузная идентичность.

Методы и организация исследования

Целью нашего исследования была апробация и адаптация англоязычной методики исследования стадии идентичности личности Identity Stage Resolution Index (ISRI). Методика компактна, широко используется за рубежом, переведена на голландский [23] и польский языки [24].

С разрешения автора исходный текст методики был переведен на русский язык. Адекватность перевода была определена с помощью экспертных оценок с участием филологов, а также подтверждена в обратном переводе русского варианта на английский язык. Далее в апробации опросника приняли участие 245 человек (145 женщин и 100 мужчин) – жители Кемеровской области в возрасте от 17 до 70 лет ($M=28,33$; $SD=14,37$).

Для оценки критериальной валидности нами использовалась методика «Тест статусов и структуры эго-идентичности» Е. А. Солдатовой (СЭИ-тест) [7].

Статистический анализ данных включал расчет описательных статистик, корреляционный, факторный анализ, t-критерий Стьюдента. Для обработки данных использовались программы STATISTICA 10.

Результаты**Конструкторная (факторная) валидность теста.**

Учитывая данные автора [8], мы исходили из предположения о двухфакторной структуре опросника, однако был предпринят и эксплораторный, и конфиматорный факторный анализ. При эксплораторном факторном анализе без вращения выяснилось, что в русскоязычной версии при двухфакторной модели доля объясняемой дисперсии составила 62 %. Проверив однофакторную модель, мы обнаружили, что при однофакторной модели доля объясняемой дисперсии составила 73 % (табл. 1).

Табл. 1. Результаты факторного анализа**Tab. 1. Results of factor analyses**

Вопрос	Однофакторная модель	Двухфакторная модель	
		фактор 1	фактор 2
Вы считаете себя состоявшимся взрослым человеком	-0,88	0,01	-0,79
Вас уважают как состоявшегося взрослого человека	-0,91	0,12	-0,89
Вы чувствуете, что Вы достигли зрелости	-0,87	0,33	-0,88
Вы нашли свое место в жизни	-0,90	-0,89	-0,30
Вы выстроили свой стиль жизни, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем	-0,86	-0,85	-0,04
Вы нашли свой круг общения, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем	-0,67	-0,66	0,11
Общая дисперсия	4,35	3,43	1,56
Доля дисперсии	0,73	0,42	0,20

Далее был проведен подтверждающий (конфиматорный) факторный анализ для определения согласованности однофакторной и двухфакторной моделей с моделированием структурных уравнений (SEPATH, STATISTICA 10) и использованием для анализа структуры метода GLS→ML, включающего в том числе оценивание с помощью метода максимального правдоподобия. Результаты вычисления критериев согласованности для двух оцениваемых структур (*model fit*) представлены в табл. 2.

Сделан вывод, что двухфакторное решение является оптимальным для данной методики с учетом, что для нее значения индексов 2 и 3 меньше 0,05 при значениях индексов 4 и 5, близких к 1, что говорит о хорошей согласованности двухфакторной модели.

Табл. 2. Критерии согласия модели для двух вариантов факторной структуры**Tab. 2. Consistency criteria for two models of the factor structure**

Критерий	Двухфакторная структура	Однофакторная структура
М-П Хи-квадрат	88,57	342,89
RMS стандартизованных остатков	0,048	0,084
RMSEA Стингера–Линда	0,049	0,079
Гамма индекс	0,944	0,792
Индекс Джореского (GFI)	0,968	0,873

Предсказуемость ответов на вопросы внутри опросника (т. е. внутренней согласованности вопросов методики) была рассчитана с помощью коэффициента Кронбаха. α -Кронбаха, вычисленные нами отдельно для мужчин и женщин по данным изучаемого опросника, представлены в табл. 3.

Табл. 3. Внутренняя согласованность адаптированного опросника, α -Кронбаха**Tab. 3. Reliability of the adapted test, Cronbach's α**

Параметр	Вся выборка	Мужчины	Женщины
Взрослая идентичность	0,88	0,82	0,89
Социальная идентичность	0,79	0,84	0,78

Тест-ретестовая надежность оценивалась по результатам использования опросника с интервалом 6 месяцев. Значение коэффициента корреляции по Пирсону между результатами двух замеров составляло 0,90 при 1 %-ном уровне значимости.

Операциональная валидность. В силу того, что в нашей стране нет диагностических методик, разработанных в рамках концепции J. E. Cote для оценки операциональной валидности опросника, был проведен корреляционный анализ взаимосвязей данных опросника с оценками опросника «Тест статусов и структуры эго-идентичности» Е. Л. Солдатовой (СЭИ-тест). По результатам корреляционного анализа по Пирсону ($p \leq 0,05$) диффузная идентичность = -0,31; достигнутая идентичность = 0,48; предрешенная идентичность = 0,23.

СЭИ-тест выстроен в рамках концепции Дж. Марсии о стадиях процесса идентичности, и, несмотря на критику позиции Дж. Марсия Дж. Котэ, векторы разворачивания процессов идентичности в обоих подходах схожи.

Проанализировав отдельно группу наших испытуемых, которые продемонстрировали достигнутую идентичность по методике ISRI, с помощью ранговой корреляции

по Спирмену, мы обнаружили, что их результаты прямо связаны с достигнутой идентичностью СЭИ-теста (0,48, $p \leq 0,05$) и обратно коррелируют с диффузной идентичностью (-0,61, $p \leq 0,05$). Для предрешенной идентичности взаимосвязи оказались незначимыми.

У группы испытуемых, продемонстрировавших предрешенную идентичность по методике ISRI, обнаружилось, что их результаты прямо связаны с предрешенной идентичностью СЭИ-теста (-0,61, $p \leq 0,05$), остальные взаимосвязи оказались незначимыми.

У группы испытуемых с диффузной идентичностью по методике ISRI результаты прямо связаны с диффузной идентичностью СЭИ-теста (0,72, $p \leq 0,05$) и обратно коррелируют с достигнутой идентичностью (-0,49, $p \leq 0,05$). Для предрешенной идентичности взаимосвязи оказались незначимыми.

Проанализировав отдельно группу наших испытуемых, которые продемонстрировали мораторий идентичности по методике ISRI, мы не обнаружили значимых связей ни с одним из параметров СЭИ-теста.

Дисперсионный анализ позволил уточнить данные, полученные с помощью корреляционного анализа, о согласованности адаптированной методики с данными СЭИ-теста. Так, диффузной идентичности по СЭИ-тесту соответствуют самые низкие результаты по изучаемой методике «Шкала определения стадии идентичности Дж. Коте». Для предрешенной идентичности наблюдается самая большая дисперсия и средние результаты по изучаемой методике, что, вероятно, связано с различными обстоятельствами формирования предрешенной идентичности личности. Самые высокие баллы по «Шкале определения стадии идентичности Дж. Коте» характерны для лиц с достигнутой идентичностью по СЭИ-тесту (рис.).

С учетом того, что методика включает в себя два параметра: социальную и взрослую идентичность, было сделано предположение, что ее результаты могут быть связаны с возрастом испытуемых. Для уточнения данных мы провели сравнение результатов групп ранней взрослости

(средний возраст $M=22,19$; $SD=10,07$) и средней взрослости (средний возраст $M=42,22$; $SD=12,21$). Было проведено сравнение между группами разных возрастов по t-критерию Стьюдента для независимых выборок при $p \leq 0,01$ (табл. 4).

Табл. 4. Различия между группами разных возрастов по t-критерию Стьюдента, $p \leq 0,01$

Tab. 4. Differences between two age groups, Student's t-test, $p \leq 0,01$

Параметр	Среднее		t	Ст. отклонение	
	ранняя взрослость	средняя взрослость		ранняя взрослость	средняя взрослость
Вы считаете себя состоявшимся взрослым человеком	1,66	3,57	-13,79	1,05	0,97
Вас уважают как состоявшегося взрослого человека	1,69	3,56	-14,81	1,04	0,65
Вы чувствуете, что Вы достигли зрелости	1,47	3,40	-13,51	1,18	0,75
Вы нашли свое место в жизни	1,46	3,43	-13,11	1,23	0,82
Вы выстроили свой стиль жизни, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем	1,69	3,17	-9,14	1,31	0,91
Вы нашли свой круг общения, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем	2,53	3,41	-6,14	1,23	0,63
Идентичность	10,50	20,55	-15,06	5,43	3,73

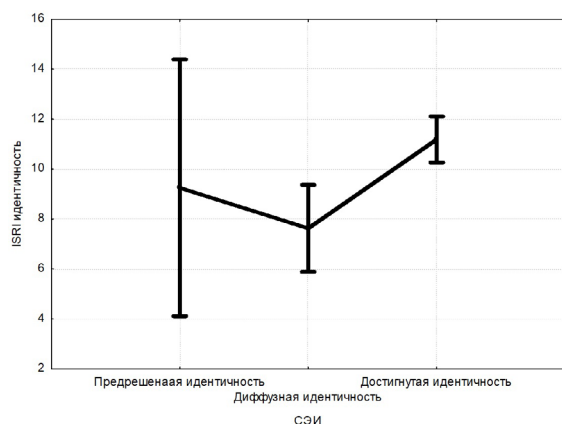

Рис. Результаты дисперсионного анализа
Fig. One-way ANOVA results

Были найдены значимые различия между двумя группами по результатам данной методики по параметру *идентичность*, что согласуется с теоретическими положениями автора методики, полагающего, что с возрастом многие вопросы поиска идентичности решаются через вхождение в профессиональное и социальное сообщество взрослых. Кроме того, были найдены различия и по результатам всех вопросов методики [14]. При этом лица в период средней взрослости оценивают себя выше по всем параметрам, что согласуется с теоретическими положениями автора. Статистически значимых различий между мужчинами и женщинами в период ранней взрослости, так же как и между мужчинами и женщинами в период средней взрослости, выявлено не было.

Заключение

Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о приемлемой валидности переведенной методики и возможности ее использования на русскоязычной выборке для изучения особенностей идентичности. Следует отметить некоторые ограничения настоящего исследования. Во-первых, его результаты основываются на самоотчетах испытуемых. Это создает некоторые ограничения в интерпретации и экстраполяции результатов. Во-вторых, при изучении операциональной валидности переведенной методики мы не изучали отдельные ее шкалы, например, шкала социальной идентичности не была исследована. Однако, подсчет результатов методики включает в себя обе шкалы, т. е. дальнейшая работа с использованием данной методики может быть выстроена в направлении изучения особенностей взаимосвязей взрослой и социальной идентичности, а также в направлении изучения ресурсов, позволяющих найти свою идентичность, как это было сделано, например, на польской выборке [24]. Наконец, изучение в этом исследовании результатов небольшой выборки ограничивает обобщаемость результатов. Несмотря на данные ограничения, методика может быть использована в рамках исследований идентичности. Методика очень компактна и проста по сравнению с аналогами, что отвечает

современным тенденциям в психодиагностике и позволит использовать ее как удобный диагностический инструмент для оценки стадии идентичности личности в ранней и средней взрослости [25]. Методика позволяет исследователям отслеживать прогресс людей во взрослой жизни и их оценку становления в обществе значимых других (социальную и личностную идентичность с точки зрения автора [14]). Исследования с использованием данной методики могут быть сопоставимы с зарубежными исследованиями идентичности [26; 27], в том числе идентичности лиц с психологическими проблемами [28; 29], и родительской идентичности [17; 30].

Примечания

Исследование проводилось с соблюдением норм профессиональной и исследовательской этики. Все испытуемые принимали участие в исследовании добровольно после подробного описания предполагаемой работы, им была гарантирована анонимность и возможность выйти из исследования на любом этапе работы. В силу специфики полученных данных открытый доступ к ним отсутствует. Материалы можно получить при обращении к автору статьи. Конфликт интересов в связи с описанными в статье данными отсутствует. Автор выражает благодарность всем участникам исследования.

Литература

1. Erikson E. H. Identity: youth and crisis. N. Y.: W. W. Norton, 1968. 336 p.
2. Marcia J. E. Identity and psychosocial development in adulthood // Identity: An International Journal of Theory and Research. 2002. Vol. 2. № 1. P. 7–28. DOI: 10.1207/S1532706XID0201_02
3. Kroger J. Identity in childhood and adolescence // International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences / ed. J. D. Wright. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2015. Vol. 11. P. 537–542. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.34015-6
4. Luyckx K., Schwartz S. J., Goossens L., Beyers W., Missotten L. Processes of personal identity formation and evaluation // Handbook of identity theory and research / eds. S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. N. Y.: Springer, 2011. P. 77–98. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_4
5. Verschuere M., Luyckx K., Kaufman E. A., Vansteenkiste M., Moons P., Sleuwaegen E., Berens A., Schoevaerts K., Claes L. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders: identity in eating disorders // European Eating Disorders Review. 2017. Vol. 25. № 1. P. 26–35. DOI: 10.1002/erv.2487
6. Злоказов К. В. Вопросы развития идентичности в работах последователей Эриксона // Педагогическое образование в России. 2015. № 9. С. 155–161.
7. Солдатова Е. А., Шляпникова И. А. Связь эго-идентичности и личностной зрелости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 29–33.
8. Côté J. E. The identity capital model: A handbook of theory, methods, and findings. London, Ontario, Canada, 2016. 80 p. DOI: 10.13140/RG.2.1.4202.9046
9. Berzonsky M. D., Cieciuch J., Duriez B., Soenens B. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations // Personality and Individual Differences. 2011. Vol. 50. № 2. P. 295–299. DOI: 10.1016/j.paid.2010.10.007
10. Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth // Europe's Journal of Psychology. 2017. Vol. 13. № 3. P. 417–440. DOI: 10.5964/ejop.v13i3.1327
11. Kroger J. Identity development: Adolescence through adulthood. Thousand Oaks, CA: Sage, 2007. 306 p.
12. Peters J. R., Eisenlohr-Moul T. A., Upton B. T., Talavera N. A., Folsom J. J., Baer R. A. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2017. Vol. 39. № 3. P. 456–466. DOI: 10.1007/s10862-017-9594-x

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743

13. Debast I., Rossi G., Alphen S. P. J. van, Pauwels E., Laurence C., Dierckx E., Peuskens H., Santens E., Schotte C. K. W. Age neutrality of categorically and dimensionally measured DSM-5 section II personality disorder symptoms // *Journal of Personality Assessment*. 2015. Vol. 97. № 4. P. 321–329. DOI: 10.1080/00223891.2015.1021814
14. Cote J. E. An empirical test of the identity capital model // *Journal of Adolescence*. 1997. Vol. 20. № 5. P. 577–597. DOI: 10.1006/jado.1997.0111
15. Inguglia C., Inguglia S., Liga F., Lo Coco A., Lo Cricchio M. G. Autonomy and relatedness in adolescence and emerging adulthood: Relationships with parental support and psychological distress // *Journal of Adult Development*. 2015. № 22. P. 1–13. DOI: 10.1007/s10804-014-9196-8
16. Verschuere M., Rassart J., Claes L., Moons P., Luyckx K. Identity statuses throughout adolescence and emerging adulthood: A large-scale study into gender, age, and contextual differences // *Psychologica Belgica*. 2017. Vol. 57. № 1. P. 32–42. DOI: 10.5334/pb.348
17. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2018. Vol. 59. № 2. P. 157–166. DOI: 10.1111/sjop.12416
18. Fadjukoff P., Pulkkinen L., Kokko K. Identity processes in adulthood: Diverging domains // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2005. Vol. 5. № 1. P. 1–20.
19. Crocetti E., Rubini M., Meeus W. H. J. Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model // *Journal of Adolescence*. 2008. Vol. 31. № 2. P. 207–222. DOI: 10.1016/j.adolescence.2007.09.002
20. Luyckx K., Schwartz S. J., Berzonsky M. D., Soenens B., Vansteenkiste M., Smits I., Goossens L. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // *Journal of Research in Personality*. 2008. Vol. 42. № 1. P. 58–82. DOI: 10.1016/j.jrp.2007.04.004
21. Doeselaar L. van, Becht A., Klimstra T., Meeus W. H. J. A review and integration of three key components of identity development: Distinctiveness, coherence, and continuity // *European Psychologist*. 2018. Vol. 23. № 4. P. 278–288. DOI: 10.1027/1016-9040/a000334
22. Schwartz S., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz (2001)? A reappraisal of the field of identity development // *The Oxford handbook of identity development* / eds. K. C. McLean, M. Syed. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 539–561.
23. Luyckx K., De Witte H., Goossens L. Perceived instability in emerging adulthood: The protective role of identity capital // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2011. Vol. 32. № 3. P. 137–145. DOI: 10.1016/j.appdev.2011.02.002
24. Piotrowski K., Brzezińska A. I. Polish adaptation of James Côté's Identity Stage Resolution Index // *Psychological Studies*. 2015. Vol. 53. № 3. P. 33–44. DOI: 10.2478/V1067-010-0138-7
25. Борисенко Ю. В. Становление психологической готовности к отцовству: психолого-педагогический контекст и технологии сопровождения. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2020. 552 с.
26. Piotrowski K., Brzezińska A., Luyckx K. Adult roles as predictors of adult identity and identity commitment in Polish emerging adults: Psychosocial maturity as an intervening variable // *Current psychology*. 2018. DOI: 10.1007/s12144-018-9903-x
27. Vosylis R., Erentaitė R., Crocetti E. Global versus domain-specific identity processes: Which domains are more relevant for emerging adults? // *Emerging Adulthood*. 2018. Vol. 6. № 1. P. 32–41. DOI: 10.1177/2167696817694698
28. Berzonsky M., Kinney A. Identity processing style and depression: The mediational role of experiential avoidance and self-regulation // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2019. Vol. 19. № 2. P. 83–97. DOI: 10.1080/15283488.2019.1567341
29. Bogaerts A., Luyckx K., Bastiaens T., Kaufman E., Claes L. Identity impairment as a central dimension in personality pathology // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2020. DOI: 10.1007/s10862-020-09804-9
30. Fadjukoff P., Pulkkinen L., Lyyra A.-L., Kokko K. Parental identity and its relation to parenting and psychological functioning in middle age // *Parenting: Science and Practice*. 2016. Vol. 16. № 2. P. 87–107. DOI: 10.1080/15295192.2016.1134989

Russian Adaptation of Identity Stage Resolution Index (ISRI)

Julia V. Borisenko ^a, @, ^{ID}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@evseenkova@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>

Received 30.07.2020. Accepted 29.09.2020.

Abstract: *Objective.* In this article we present the translation and adaptation of the "Identity Stage Resolution Index (ISRI)" into Russian. *Method.* We studied the results of 245 participants: 100 male and 145 female at the age of 17–70 years old ($M=28,33$; $SD=14,37$). We analyzed the results of ISRI comparing them to Russian test of statuses and structure of ego-identity (E. L. Soldatova). *Results.* The statistic analysis of the data let us conclude that Russian version of ISRI has been shown to be a generally valid and reliable psychometric technique for assessing identity stages. *Conclusion.* The "Identity Stage Resolution Index (ISRI)" was successfully translated and adopted into Russian and might be used as a psychometric technique for psychological consulting and investigation for identity.

Keywords: identity, identity stages, measures, parental identity, early adulthood, middle adulthood

For citation: Borisenko J. V. Russian Adaptation of Identity Stage Resolution Index (ISRI). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 735–743. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743>

References

1. Erikson E. H. *Identity: youth and crisis*. N. Y.: W. W. Norton, 1968, 336.
2. Marcia J. E. Identity and psychosocial development in adulthood. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2002, 2(1): 7–28. DOI: 10.1207/S1532706XID0201_02
3. Kroger J. Identity in childhood and adolescence. *International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences*, ed. Wright J. D., 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2015, vol. 11, 537–542. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.34015-6
4. Luyckx K., Schwartz S. J., Goossens L., Beyers W., Missotten L. Processes of personal identity formation and evaluation. *Handbook of identity theory and research*, eds. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. N. Y.: Springer, 2011, 77–98. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_4
5. Verschueren M., Luyckx K., Kaufman E. A., Vansteenkiste M., Moons P., Sleuwaegen E., Berens A., Schoevaerts K., Claes L. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders: identity in eating disorders. *European Eating Disorders Review*, 2017, 25(1): 26–35. DOI: 10.1002/erv.2487
6. Zlokazov K. V. Issues of the identity development in studies of Erikson's followers. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2015. (9): 155–161. (In Russ.)
7. Soldatova E. L. Shlyapnikova I. A. Correlation between ego-identity and maturity of personality. *Vestnik Iuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 2015, 8(1): 29–33. (In Russ.)
8. Côté J. E. *The identity capital model: A handbook of theory, methods, and findings*. London, Ontario, Canada, 2016, 80. DOI: 10.13140/RG.2.1.4202.9046
9. Berzonsky M. D., Cieciuch J., Duriez B., Soenens B. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations. *Personality and Individual Differences*, 2011, 50(2): 295–299. DOI: 10.1016/j.paid.2010.10.007
10. Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth. *Europe's Journal of Psychology*, 2017, 13(3): 417–440. DOI: 10.5964/ejop.v13i3.1327
11. Kroger J. *Identity development: Adolescence through adulthood*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2007, 306.
12. Peters J. R., Eisenlohr-Moul T. A., Upton B. T., Talavera N. A., Folsom J. J., Baer R. A. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2017, 39(3): 456–466. DOI: 10.1007/s10862-017-9594-x
13. Debast I., Rossi G., Alphen S. P. J. van, Pauwels E., Laurence C., Dierckx E., Peuskens H., Santens E., Schotte C. K. W. Age neutrality of categorically and dimensionally measured DSM-5 section II personality disorder symptoms. *Journal of Personality Assessment*, 2015, 97(4): 321–329. DOI: 10.1080/00223891.2015.1021814
14. Cote J. E. An empirical test of the identity capital model. *Journal of Adolescence*, 1997, 20(5): 577–597. DOI: 10.1006/jado.1997.0111

15. Inguglia C., Ingoglia S., Liga F., Lo Coco A., Lo Cricchio M. G. Autonomy and relatedness in adolescence and emerging adulthood: Relationships with parental support and psychological distress. *Journal of Adult Development*, 2015, (22): 1–13. DOI: 10.1007/s10804-014-9196-8
16. Verschueren M., Rassart J., Claes L., Moons P., Luyckx K. Identity statuses throughout adolescence and emerging adulthood: A large-scale study into gender, age, and contextual differences. *Psychologica Belgica*, 2017, 57(1): 32–42. DOI: 10.5334/pb.348
17. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2018, 59(2): 157–166. DOI: 10.1111/sjop.12416
18. Fadjukoff P., Pulkinnen L., Kokko K. Identity processes in adulthood: Diverging domains. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2005, 5(1): 1–20.
19. Crocetti E., Rubini M., Meeus W. H. J. Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model. *Journal of Adolescence*, 2008, 31(2): 207–222. DOI: 10.1016/j.adolescence.2007.09.002
20. Luyckx K., Schwartz S. J., Berzonsky M. D., Soenens B., Vansteenkiste M., Smits I., Goossens L. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence. *Journal of Research in Personality*, 2008, 42(1): 58–82. DOI: 10.1016/j.jrp.2007.04.004
21. Doeselaar L. van, Becht A., Klimstra T., Meeus W. H. J. A review and integration of three key components of identity development: Distinctiveness, coherence, and continuity. *European Psychologist*, 2018, 23(4): 278–288. DOI: 10.1027/1016-9040/a000334
22. Schwartz S., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz (2001)? A reappraisal of the field of identity development. *The Oxford handbook of identity development*, eds. McLean K. C., Syed M. Oxford: Oxford University Press, 2015, 539–561.
23. Luyckx K., De Witte H., Goossens L. Perceived instability in emerging adulthood: The protective role of identity capital. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2011, 32(3): 137–145. DOI: 10.1016/j.appdev.2011.02.002
24. Piotrowski K., Brzezińska A. I. Polish adaptation of James Côté's Identity Stage Resolution Index. *Psychological Studies*, 2015, 53(3): 33–44, DOI: 10.2478/V1067-010-0138-7
25. Borisenko J. V. Psychological fatherhood readiness: psychological and pedagogical context and care technologies. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2020, 552. (In Russ.)
26. Piotrowski K., Brzezińska A., Luyckx K. Adult roles as predictors of adult identity and identity commitment in Polish emerging adults: Psychosocial maturity as an intervening variable. *Current psychology*, 2018. DOI: 10.1007/s12144-018-9903-x
27. Vosylis R., Erentaitė R., Crocetti E. Global versus domain-specific identity processes: Which domains are more relevant for emerging adults? *Emerging Adulthood*, 2018, 6(1): 32–41. DOI: 10.1177/2167696817694698
28. Berzonsky M., Kinney A. Identity processing style and depression: The mediational role of experiential avoidance and self-regulation. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2019, 19(2): 83–97. DOI: 10.1080/15283488.2019.1567341
29. Bogaerts A., Luyckx K., Bastiaens T., Kaufman E., Claes L. Identity impairment as a central dimension in personality pathology. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2020. DOI: 10.1007/s10862-020-09804-9
30. Fadjukoff P., Pulkinnen L., Lyyra A.-L., Kokko K. Parental identity and its relation to parenting and psychological functioning in middle age. *Parenting: Science and Practice*, 2016, 16(2): 87–107. DOI: 10.1080/15295192.2016.1134989